

Владимир Новиков

ВЕРТОЛЁТ

ХРОНИКА АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Книга вторая.
Огненные Каракумы.
Часть вторая*

«Родина Зовёт!» Премия им. А. Т. Твардовского

Владимир Новиков

**Вертолёт. Хроника Афганской
войны. Книга вторая. Огненные
Кара-Кумы (1982 год). Часть II**

"Издательство "Интернационального союза писателей"

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Новиков В.

Вертолёт. Хроника Афганской войны. Книга вторая. Огненные Кара-Кумы (1982 год). Часть II / В. Новиков — "Издательство "Интернационального союза писателей", 2026 — («Родина Зовёт!» Премия им. А. Т. Твардовского)

ISBN 978-5-6054854-7-6

Вторая книга «Огненные Кара-Кумы» уникального исторического романа «Вертолёт. Хроника Афганской войны» — это рассказ об официальном участии частей и подразделений Пограничных войск КГБ СССР в Афганской войне с января 1982 года, с выделением им зоны ответственности — стокилометровой пограничной зоны от линии государственной границы СССР вглубь Афганистана, позже названной «буферной» зоной. Для автора это время интересно тем, что после назначения на должность старшего офицера по авиации оперативной группы ГУПВ он попал в специально созданное секретное подразделение пограничного главка, занимающееся только боевыми операциями на севере Афганистана, в коллектив самых «крутых» и подготовленных генералов и офицеров пограничных войск. Непростой процесс ввода в строй и участие в первых крупных боевых пограничных операциях с применением авиационных полков и авиагрупп в пустынях и горах северного Афганистана потребовали и перестройки инфраструктуры, и увеличения количества авиационных подразделений и повышения уровня подготовки лётного состава. Книга написана на основе воспоминаний автора с использованием фотографий из личного архива.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6054854-7-6

© Новиков В., 2026

© "Издательство "Интернационального
союза писателей", 2026

Содержание

Часть 1. Жаркие Кара-Кумы	7
1. Первый погибший экипаж	7
2. Смертный грех	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Новиков
Вертолёт. Хроника Афганской
войны. Книга вторая – Огненные
Кара-Кумы (1982 год). Часть II

Продюсер проекта Елена Кувшинова

Книга написана на основе воспоминаний автора с использованием фотографий из личного архива

© Владимир Новиков, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Часть 1. Жаркие Кара-Кумы

1. Первый погибший экипаж

10 июля 1982 года. Экипаж вертолёта – это не только одна дружная боевая семья, но одновременно и одна братская могила в случае неудачного исхода полёта. Именно такой может быть судьба боевого экипажа вертолёта или самолёта не только на войне, а даже и в мирное время. В истории нашей и зарубежной авиации были и происходят десятки и даже сотни подобных случаев ежегодно. Один такой случай врезался мне в память и в сердца многих лётчиков границы. Это первый погибший в Афганистане пограничный экипаж вертолёта Ми-8т. Произошло это 10 июля 1982 года при разгроме горной базы и ликвидации бандформирования пришлых из центра страны боевиков в ущелье Шардара, находящееся в 30 километрах восточнее одноимённого кишлака и рядом с ним дислоцированного нашего пограничного гарнизона «Чахи-Аб», в зоне оперативной ответственности Московского погранотряда.

Фотореконструкция боевого эпизода сбитого вертолёта капитана В. П. Саморокова в ущелье Шардара, 10 июля 1982 г.

Командир авиагруппы «Пяндж» майор Мусаев сверху отлично видел, как командированный читинский вертолёт капитана Владимира Саморокова очень низко, в пологом пикировании устремился в свою последнюю атаку. Вдоль узкого, длинного и извилистого ущелья, со всех сторон из засад простреливаемого боевиками с его крутых склонов. Пытаясь тщательно и лучше прицелиться по стрелявшему короткими очередями огненной «сварки» опорному пункту боевиков на склоне ущелья. По засаде ДШК¹, мешавшей проходу нашего десантного подразделения. Стрельба по вертолёту велась вначале с двух точек: с окраины большого кишлака Шардара и из гнезда орла на выступе одинокой и несуразно торчавшей крутой пирамидальной вершины, которая была выше всех других скал в этой горной гряде и ущелье Шардара.

Мусаев понял, что экипаж капитана Саморокова начисто забыл про его инструктажи о выполнении противозенитного манёвра в ущельях. Любым способом не держать шарик авиа-

¹ ДШК – Дегтярёва-Шпагина крупнокалиберный 12,7 мм пулемёт, один из основных видов борьбы афганских моджахедов с советскими вертолётными в начале Афганской войны. – *Прим. авт.*

горизонта в центре. Постоянно скользить из одной стороны в другую. Пусть даже и в ущерб точности бомбометания. А читинские лётчики шли как «утюги» на полигоне. Спокойно прицелившись, ждали совмещения в прицеле петельки угла визирования с углом прицеливания. И дождались. Ещё из трёх точек к вертолёту одновременно рванулись трассы разноцветных очередей ДШК. Одна из них, ближайшая и длинная, оказавшаяся сбоку, с той самой крутой одинокой вершины огнями «электросварки» рассекла вертолёт пополам. Он загорелся в воздухе на глазах других пяти экипажей авиагруппы. И как шёл вертолёт вдоль ущелья, весь объятый пламенем, так, неуправляемый, и рухнул вниз. А сверху из-за кустов и деревьев не видно даже, куда он упал. После взрыва и метнувшегося вверх факела пламени и чёрного дыма из десятка опорных пунктов и точек засад на обоих склонах ущелья выскочили обрадованные боевики. Залпами и очередями стреляя вверх, салютовали свою победу. Кричали «Аллах акбар»² и плясали свои танцы, как дикари в джунглях, радуясь и подпрыгивая.

* * *

...Очень важно, что начальник опергруппы генерал-лейтенант Карпов и начальник погранвойск генерал армии Матросов в основной период боевых действий на севере Афганистана (январь 1982 – конец 1985 года) лично тщательно планировали и контролировали все этапы и даже детали боевых операций. Порой вылетали и принимали участие в их проведении. Собственно говоря, это планирование оперативно-боевых действий соединений, частей и подразделений погранвойск и стало главной задачей и головной болью подполковника Лоскутова в опергруппе главка. Участие в составлении квартальных планов боевых операций по авиационной линии, а также их контроль и почти ежемесячное участие в боевых операциях по их выполнению. И разработка, участие в разработке, согласование с командованием погранокругов вопросов применения авиационных частей и групп в каждой крупной боевой операции.

Лоскутов в течение этих пяти лет, с января 1982 и до конца 1986 года, практически каждый день или через день встречался с генералами Матросовым, Вертелко, Карповым и Рохловым по служебным делам. В опергруппе и в авиаотделе ГУПВ. На частых совещаниях и докладах по базированию и боеготовности авиаполков и авиагрупп вертолётов, составу и уровню подготовки лётчиков авиагрупп на оперативных точках. При обязательном присутствии в режиме «дежурства и подхвата» на переговорах по спецтелеграфу с руководителями боевых операций на севере Афганистана. И самое сложное на таких переговорах – это осторожное высказывание даже предварительных мнений о случившихся в этот день авиационных происшествиях, авариях и катастрофах.

Обстановка на этих совещаниях и особенно на переговорах с руководителями боевых операций была всегда ответственной и напряжённой. Порой даже близкой к стрессовой. До середины 1982 года на таких переговорах по линии авиации обычно присутствовал начальник авиации погранвойск генерал Рохлов. Или его заместители: полковник Александр Евдокимов, раза два был на переговорах заместитель по инженерно-авиационной службе полковник Степан Зносок. Но спустя три месяца после перевода Лоскутова в опергруппу ГУПВ генерал Рохлов честно и прямо при всех на переговорах ему сказал:

– Лоскутов, ты представитель авиации, ты вник в обстановку, ты и присутствуй на всех этих переговорах. Если будет что-либо серьёзное, выше твоей компетенции, сразу звони мне и докладывай ситуацию. При срочной необходимости или при вызове начальника войск я быстро подойду.

– Есть, товарищ генерал, присутствовать на всех переговорах.

² «Аллах акбар» («Аллах велик») – молитва мусульман, произносимая пять раз в сутки, с поклонами на восток, в сторону Мекки.

На практике это приказание вылилось в постоянное присутствие Лоскутова на всех переговорах с руководителями пограничных боевых операций на севере Афганистана. Даже тогда, когда там были Рохлов или Евдокимов. Чаще всего на втором плане, в соседней комнате, рядом с кабинетом начальника связи главка. Иногда в коридоре, в пределах слышимости и видимости руководителя, ведшего переговоры на аппарате спецтелеграфной связи с оперативными точками и гарнизонами на той стороне «речки». Но в постоянной готовности к ответу на любой внезапный вопрос начальника, ведшего переговоры. Обычно и чаще всего это были генерал Карпов или полковник Кириллов. По особо серьёзным вопросам или перед началом крупных боевых операций переговоры вели генерал-лейтенант Вертелко или генерал армии Матросов.

Сергей сразу убедился, что экспромтом разговаривать и задавать вопросы любому должностному лицу, находящемуся на другом конце провода, без глубокого знания конкретной ситуации, особенно вначале, – весьма непросто. Потому что на любой глупый вопрос можно получить не менее глупый ответ. Но весь этот диалог ложится на бумагу, документы этих переговоров долго хранятся. И читают и анализируют их только самые большие начальники в структуре погранвойск и КГБ, имеющие соответствующие допуски. Понятно, что к этим переговорам необходимо тщательно готовиться.

Первые такие переговоры лично Лоскутову и пришлось вести на вечерних переговорах 10 июля 1982 года. По поводу гибели экипажа вертолёт 18-й Читинской отдельной эскадрильи капитана Владимира Саморокова в ущелье Шардара. Сбитого в частной операции Московского погранотряда при нанесении авиаудара по позициям и засадам ДШК. И упавшего в глубокое и узкое ущелье в тридцати километрах восточнее кишлака и пограничного гарнизона «Чахи-Аб» на территории Афганистана.

Генерал Рохлов был в командировке. Переговоры вёл генерал Карпов. Сергей Лоскутов от неожиданности вначале даже растерялся, но вида не подал, когда после первичного, очень краткого доклада о катастрофе вертолёт капитана Саморокова генерал Карпов вдруг говорит руководителю операции полковнику Борису на том конце провода:

– Анатолий Филиппович, переговоры-ка с нашим лётчиком. На своём «птичьём» языке он грамотнее и быстрее выяснит обстановку со сбитым вертолётком.

Впервые в Афганистане у нас погиб целый экипаж. Даже полного состава его, кроме фамилии командира вертолёт, Сергей ещё не знает. Какие же вопросы уместно задавать руководителю операции и командиру авиагруппы на том конце провода в этой трагической ситуации? Сразу после гибели экипажа. По опыту участия в аналогичных операциях в том же Куфабе Сергею уже было известно, что в таких ситуациях ещё точно никто ничего не знает о причинах и деталях происшествия. И о погибших и раненых – тоже. А если что и знают, то без решения или разрешения командования войск округа не будут своё мнение высказывать. Они не имеют на это права. Тем более что это была первая боевая потеря всего экипажа и вертолёт в авиации погранвойск.

Задал Лоскутов тогда всего два вопроса:

– Из какого района стреляли, какими средствами поражения и на какой высоте был сбит вертолёт?

– Куда упал борт и можно ли туда подсесть вертолёткам-спасателям для эвакуации погибших?

Вразумительного ответа не получил ни на один из них, потому что руководитель операции полковник Борисов и сам толком ещё ничего не знал. И Лоскутов с генералом Карповым поняли, что дальнейшие вопросы задавать бесполезно.

Закончил диалог с руководителем операции полковником Борисовым Сергей словами:

– Выясните обстоятельства гибели экипажа и возможности по его поиску и эвакуации. После чего установленным порядком доложите в опергруппу ГУПВ.

Ясно, что первый «блин» у Лоскутова получился скомканным и не полностью освещавшим ситуацию. Так же неуютно чувствовали себя и общевойсковые генералы и офицеры, не владевшие авиационной терминологией. Или ведшие переговоры без авиационного представителя.

Пришлось Сергею спустя несколько дней поработать с текстами таких переговоров по боевым потерям, которые раньше велись генералами Матросовым, Вертелко, Карповым и Рохловым. И на одной страничке набросать варианты возможных авиационных вопросов, так сказать, на все случаи жизни:

«— Какая конкретно боевая задача ставилась паре (группе) вертолётов и на каком этапе произошло происшествие?

– Какими средствами и на какой высоте был сбит вертолёт?

– Какие ваши предварительные выводы по случившемуся и какими новыми данными располагаете по разбирательству с вертолётном?

– Какие предварительные заключения врачей сделаны по травмам потерпевших, в каком состоянии тела погибших?

– Откуда стреляли бандиты и каким оружием?

– Нам известно, что вертолёт этой пары производил посадку, предположим, на площадку № 11, прошу уточнить, с какой целью, ведь ни бандитов, ни нашего подразделения там нет.

– Продолжайте разбирательство и всё объективно донесите в установленном порядке в оперативную группу ГУПВ.

– Прошу доложить расстановку авиации по типам и готовность лётного состава к данным полётам.

– Как планируете производить высадку десанта на площадки № 3 и № 4? Меня интересуют маршруты, высоты полётов и обеспечение безопасности при высадке.

– С вертолёта Ми-8, потерпевшего аварию в районе кишлака N, снять секретные агрегаты, вооружение, а также оборудование, пригодное для использования в качестве запасных частей или учебных целей, останки вертолёта уничтожить.

– Ещё раз доведите до всего лётного состава меры предосторожности и безопасности полётов на территории ДРА, исходя из того, что из любого населённого пункта или района подготовленной площадки может вестись прицельный огонь».

По отзывам руководства ГУПВ и всех офицеров опергруппы, эти варианты вопросов на одной страничке, постоянно находившиеся в авиационной папке опергруппы, значительно помогли им в будущем. Помогли быстро сориентироваться и адаптироваться при ведении переговоров с руководителями боевых операций и с командирами авиачастей и групп. Особенно при аварийных и нештатных ситуациях с вертолётными и при отсутствии начальника авиации или авиационного представителя на этих переговорах. При нахождении нас в командировках или в отпусках.

Сложности, конечно, были. Эти частые переговоры с командованием округов, утренние и вечерние, действительно отнимали много времени. Они связывали нас, офицеров опергруппы, по рукам и ногам. Надо было в тонкостях знать все детали, все команды руководителя операции. По авиации – все задачи, маршруты, цели, площадки, результаты полётов. Действия лётчиков и команды командира авиагруппы. А откуда Лоскутову всё это узнать перед самым началом переговоров? Когда отдельного или специального канала связи у него нет. Ни с командиром части или авиагруппы, ни со старшим офицером по авиации опергруппы округа, ни с начальником авиаотдела округа – связи с ними из Москвы у Лоскутова не было. Потому что не сидели они возле телефонов в своих кабинетах или в штабах. Они были в полётах, на совещаниях, на территории части, на аэродроме среди лётчиков. Да где угодно могли быть. А мобильных тогда ещё не было. И нужных офицеров трудно было вовремя найти. И с ними

переговорить. Да зачастую и они толком ничего не знали о совсем недавно и внезапно произошедшем событии или происшествии.

Лишённый последней и самой важной информации Лоскутов в ходе переговоров несколько раз получал недовольные взгляды и укоры от начальства. Надо было искать способы быстрой добычи информации в штабе округа. И Сергей нашёл выход. В соседнем кабинете с переговорной комнатой работал старший офицер по связи опергруппы ГУПВ полковник Валерьян Веденин, отвечавший за каналы связи с необходимыми абонентами на этих важных переговорах. Он по просьбе Лоскутова и видя, как на самом деле достаётся мне из-за незнания последних новостей или известий, подсказал:

– Сергей Петрович, из уважения к тебе лично и к авиации вообще я тебе помогу. У меня в Среднеазиатском округе служит хороший друг. Он мой кореш по детдому и сейчас начальник связи округа. И он всегда знает, кто и где из командования округа находится. В том числе и всех твоих лётчиков знает. Приходи ко мне в кабинет за пятнадцать–двадцать минут до начала переговоров. Я тебя соединю с округом и с любым абонентом. И всё, что надо, ты будешь знать в первую очередь.

Так это в будущем несколько лет и происходило. Это был подарок судьбы, свежая информация на грани выживания. За счёт дружбы офицеров авиации и связи в опергруппах округа и главка. После таких предварительных консультаций перед самими переговорами с владевшими хоть какими-то приблизительными знаниями командирами авиагрупп и авиационными руководителями из округа претензий от начальников опергруппы и командования погранвойск к Лоскутову намного поубавилось. Спасибо уважаемому мной полковнику Валерьяну Веденину. Кто ему ещё, кроме меня, спасибо-то скажет? А он сам и его отдел связи главка этого уважения и благодарности от руководителей нашей авиации заслуживают.

* * *

В состав первого полностью погибшего экипажа авиации погранвойск в Афганской войне входили: командир звена вертолётов Ми-8 капитан Владимир Павлович Самороков, штурман звена вертолётов капитан Александр Иванович Королёв, старший бортовой техник звена капитан Михаил Тимофеевич Лаба и бортовой механик прапорщик Юрий Андреевич Двоеложков. Пусть земля им будет пухом. Они погибли как настоящие мужчины-воины, геройски, в бою, в боевом вылете. Страшная это гибель – в падающем, горящем свечой и неуправляемом вертолёте. Когда ещё живые люди осознают и понимают, что они обречены на смерть и ничто их уже не спасёт.

После расследования стало известно, что 10 июля 1982 года авиагруппа в составе восьми вертолётов выполняла боевую задачу по десантированию личного состава и огневой поддержке боевых действий этой высаженной десантно-штурмовой мангруппы с воздуха. При ликвидации недавно прибывшего из центральных районов Афганистана непримиримого бандформирования радикальной партии ИПА Хекматияра³ в район горной базы боевиков «Шардара». Терроризировавшего набегами и убийствами активистов и все кишлаки в районе 30–40 километров вокруг. Вплоть до самого крупного кишлака Чахи-Аб, расположенного уже в долине, где недавно была выставлена и обустроивалась наша пограничная мотомангруппа, будущий гарнизон «Чахи-Аб».

При выходе из очередной атаки одновременным и перекрёстным огнём трёх крупнокалиберных пулемётов ДШК был подбит вертолёт капитана Владимира Саморокова. Вероятнее всего, разрывные пули попали в бензобаки, были повреждены двигатели и управление вертолётom. Он загорелся ещё в воздухе. Раздуваемая ветром машина горела факелом. Неуправля-

³ «Исламская партия Афганистана» (ИПА) Гульбедин Хекматияра. – *Прим. ред.*

емый вертолёт пошёл вдоль ущелья на снижение, а при встрече с землёй взорвался. Экипаж погиб. Но упал он при этом в глубокое ущелье, в расположение непримиримого бандформирования. В зоне огня нескольких опорных пунктов, огневых точек и засад бандитов.

Все участники боевых действий на севере Афганистана знали приказы начальника погранвойск и председателя КГБ СССР, которые звучали жёстко и однозначно: ни один солдат, прапорщик и офицер погранвойск и органов госбезопасности не должен быть оставлен в земле Афганистана. Эти приказы руководителями боевых операций и лётчиками выполнялись свято и неукоснительно. И сразу параллельно с первой, основной боевой операцией началась другая операция. Поисково-спасательная. Не менее сложная как по организации, так и по исполнению. Такой вариант действий всегда был предусмотрен в наших планах боевых операций. И пара поисково-спасательных вертолётов всегда была в резерве у руководителя пограничников в каждой боевой операции. И дежурное десантное подразделение на базовом аэродроме авиагруппы тоже всегда было в первой степени готовности, рядом с базированием экипажей авиагруппы.

Проводы двух экипажей капитана В. П. Саморокова и Е. Д. Борисенкова в боевую командировку в Афганистан, г. Чита, май 1982 г.

Но в той спасательной операции в ущелье Шардара первыми в район горящего вертолёта по земле подошли наши десантники из Керкинской и Кара-Калинской десантно-штурмовых мангрупп, высаженные нашей же авиагруппой майора Мусаева немного раньше на ближайшие площадки и господствующие высоты на входе в ущелье Шардара. Поэтому вся трагедия с вертолётom произошла на их глазах. Десантники первыми и доложили по радио о сбитом вертолётe и месте его падения руководителю операции полковнику Борисову, первыми ринулись туда спасать лётчиков.

Участник этой операции в ущелье Шардара, начальник штаба, а потом и командир Керкинской мотомангруппы капитан Анатолий Турулов, так рассказывает об этой поисково-спасательной операции:

«...Сбитый вертолёт упал в глубокое ущелье, и слышен был сильный взрыв, это было ближе к позиции Кара-Калинской ДШМГ⁴. Туда послали разведчика с радиостанцией, который первым и обнаружил борт, лежащий на окраине маленького кишлака. Хвостовая часть оторвана, лежит отдельно, лопасти тоже все разбиты вдребезги, сама кабина разорвана взры-

⁴ ДШМГ – десантно-штурмовая мотоманевренная группа. – Прим. ред.

вом в клочья. Погибшие тела лётчиков – кто в кабине, кто в грузовой кабине, кто рядом с вертолётom. Все обгорелые и почему-то шесть человек, а не четыре, как обычно в экипаже. Из кишлака уже две группы “духов” короткими перебежками с двух сторон бегут к месту падения вертолётa.

Группа из 15 десантников стала ускоренно спускаться к упавшему вертолётu, пытаясь опередить “духов”, что им в конечном итоге и удалось. Огонь из ДШК по десанникам не прекращался до тех пор, пока они не спустились под кроны деревьев и кустов. Десантники сделали носилки из плащ-палаток, уложили в них тела лётчиков, накрыли, чем могли и что нашли. Дольше всех искали бортового техника вертолётa, нашли тоже обгорелым метрах в трёхстах от места взрыва, строго в обратной стороне от направления полётa.

А дальше начался подъём тел погибших лётчиков под постоянным огнём противника. Это было самое тяжёлое дело – вытаскивать лётчиков в гору из глубокого ущелья, прячась от свистящих пуль и зарываясь в землю. Находящиеся наверху позиции десантников двух наших мотомангрупп ничем не могли нам помочь. Слишком большое расстояние, не достать ни с СПГ-9⁵, ни с АГС-17⁶...»

Действуя одновременно с десанниками, несмотря на яростный перекрёстный огонь противника, командир авиагруппы майор Владимир Мусаев проявил смелость, упорство и отличную лётную выучку. Под прикрытием огня вертолётov своей группы он прорвался в ущелье и произвёл посадку в 300 метрах от упавшего вертолётa, на отмель речушки. Ближе и ниже ровного места просто не было. Как он сумел это сделать под сильным перекрёстным огнём нескольких ДШК со склонов ущелья? Уму непостижимо! А потом он помогал десанникам искать и переносить останки тел погибших лётчиков на свой вертолёт. И с риском для своей жизни и своего экипажа под перекрёстным огнём засад более пяти ДШК эвакуировал их на базу. Прилетел он в оборванном комбинезоне, весь измазанный грязью и кровью, с девятью свежими пулевыми пробоинами в вертолётe.

Майор Мусаев немного позднее подробно и рассказал Лоскутову, что командир вертолётa капитан Самороков был убит сразу, самым первым. Разрывной пулей от ДШК прямо в грудь, навывлет. Сзади между лопаток зияла огромная дыра. Он так и остался в чашке командирского кресла, пристёгнутый ремнями парашюта к сиденью. Второй лётчик, капитан Королёв, сторел заживо, пытаясь управлять неуправляемым, горящим факелом вертолётom и посадить его. Пытался спастись самостоятельно и борттехник капитан Лаба. Видно, успел выпрыгнуть из горящего вертолётa. Было высоко, он разбился насмерть. Его дольше всех искали спасатели, а нашли в трёхстах метрах от места падения вертолётa. И тоже весь обгорелый. И внутри грузовой кабины нашли три обгоревших тела, бортмеханика Двоеложкова и двух пока неизвестных спасателям десантников.

По сути дела, майор Владимир Мусаев первым повторил подвиг своего командира подполковника Фарита Шагалева. По сложности захода, посадки на площадку и выхода из со всех сторон простреливаемого боевиками ущелья. По уровню противодействия противника. По морально-психологической и физической нагрузке. За этот боевой вылет семь месяцев спустя он был награждён орденом Красного Знамени, а его экипаж – боевыми медалями. Хотя, по словам его командиров и сослуживцев, за этот настоящий геройский подвиг вначале майор Мусаев командованием части и руководством опергруппы Среднеазиатского округа представлялся к званию Героя Советского Союза, а его экипаж – к боевым орденам. Но лимит на Героев для пограничников, вероятно, был исчерпан. Как всегда, по требованию отдела кадров ГУПВ из Москвы представление в округе переписали на орден.

⁵ СПГ-9 «Копьё» – советский станковый противотанковый гранатомёт. – *Прим. ред.*

⁶ АГС – автоматический гранатомёт станковый, АГС-17 «Пламя» имеет калибр 30 мм. – *Прим. авт.*

Сбитый читинский экипаж был награждён посмертно: капитан В. П. Самороков – орденом Красного Знамени, капитаны А. И. Королёв и М. Т. Лаба, прапорщик Ю. А. Двоеложков – орденами Красной Звезды. Отдадим и мы дань уважения героям. Помянем их добрыми словами и долгой человеческой памятью. И кратко вспомним биографии лётчиков первого полностью погибшего экипажа авиации погранвойск в их второй двухмесячной афганской боевой командировке. Их биографии находятся в электронной энциклопедии в лицах «Авиация органов безопасности».

Командир звена вертолетов Ми-8 из 18 оаэ погран войск капитан Самороков Владимир Павлович

САМОРОКОВ Владимир Павлович (1953–1982), командир авиационного звена вертолётов отдельной авиаэскадрильи погранвойск, военный лётчик второго класса, капитан. Родился 4 марта 1953 года в с. Хворостинка Куйбышевской области – погиб в Афганистане 10 июля 1982 года, похоронен в родном селе, где его именем названы улица и клуб воинов-интернационалистов района. Окончил Саратовское военное авиационное училище лётчиков в 1974 году. Службу проходил на должностях от старшего лётчика-штурмана до командира звена вертолётов в 18-й оаэ⁷ погранвойск КГБ СССР (г. Чита) с 1974 по 1982 год. Внёс важный вклад в охрану и защиту государственной границы СССР. Грамотный и перспективный лётчик, военный лётчик второго класса. Лётчик-инструктор. Отличился при охране государственной границы в Забайкалье. Участвовал в сотнях поисков и задержаниях нарушителей государственной границы СССР во всех погранотрядах, от Даурии до Кызыла. Первая его командировка на границу с Афганистаном была в мае 1981 года. Выполнил 55 боевых вылетов. 10 июля 1982 года, во второй афганской командировке, экипаж капитана Саморокова принимал участие в боевой операции по ликвидации бандформирования мятежников в ущелье Шардара, что в 30 км восточнее Чахи-Аба. Выполнял боевую задачу по огневой поддержке наземных подразделений и ликвидации бандформирования противника. При выходе из очередной атаки вертолёт был подбит и, не доходя до земли, взорвался в воздухе. Экипаж и два десантника погибли. Капитан В. П. Самороков награждён медалями «За отвагу» и «За отличие в охране государственной границы СССР», посмертно награждён орденом Красного Знамени.

⁷ Оаэ – отдельная авиационная эскадрилья. – *Прим. авт.*

Штурман звена вертолетов Ми-8 из 18-й оаэ погранвойск капитан Королёв Александр Иванович

КОРОЛЁВ Александр Иванович (1950–1982), штурман звена вертолётов Ми-8 отдельной авиаэскадрильи погранвойск, военный лётчик третьего класса, капитан. Родился 11 декабря 1950 года в г. Челябинске – погиб в Афганистане 10 июля 1982 года, похоронен в г. Витебске, на кладбище Мазурино. Окончил учебный авиационный центр ДОСААФ (г. Витебск) в 1973 году. В Вооружённых силах СССР с октября 1973 года. Службу проходил на должностях старший лётчик-штурман и штурман звена вертолётов Ми-8 в 18-й оаэ погран-

войск КГБ СССР (г. Чита) с 1973 по 1982 год. Внёс важный вклад в охрану и защиту государственной границы СССР. Отличился при охране государственной границы в Забайкалье, участвовал в сотнях поисков и задержаниях нарушителей государственной границы СССР во всех погранотрядах, от Даурии до Кызыла. Участник боевых действий в Афганистане с мая 1981 года, совершил более 50 боевых вылетов. Участвовал в четырёх боевых операциях по поддержке действий наземных подразделений, эвакуации раненых с поля боя. Во второй афганской командировке, 10 июля 1982 года, в составе экипажа капитана В. П. Саморокова участвовал в обеспечении боевой операции по ликвидации бандформирования противника в ущелье Шардара, в 30 км восточнее Чахи-Аба. Выполнял боевую задачу по высадке десанта и по его огневой поддержке на поле боя. При выходе из очередной атаки вертолёт был подбит и, не доходя до земли, взорвался в воздухе. Экипаж погиб. Капитан А. И. Королёв награждён медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», за мужество и отвагу, проявленную при выполнении боевого задания, посмертно награждён орденом Красной Звезды.

Бортовой техник звена вертолетов Ми-8 из 18 оаз погранвойск капитан Лаба Михаил Тимофеевич

ЛАБА Михаил Тимофеевич (1945–1982), старший бортовой техник звена вертолётов отдельной авиаэскадрильи ПВ, военный специалист первого класса, капитан. Родился 15 июля 1945 года в с. Лагодов Перемышлянского района Львовской области – погиб 10 июля 1982 года в Афганистане, похоронен в г. Львове, на Яновском кладбище. В Вооружённых силах СССР с ноября 1970 года. Окончил Харьковское военное авиационно-техническое училище экстерном в 1974 году. Службу проходил на должностях старший техник группы регламентных работ, старший бортовой техник и техник звена вертолётов в 18-й оаз погранвойск КГБ СССР (г. Чита) с 1970 по 1982 год. Внёс важный вклад в охрану и защиту государственной границы СССР. Отличился при выполнении полётов по охране государственной границы Забайкалья. Участвовал в сотнях поисков и задержаниях нарушителей государственной границы СССР во всех погранотрядах, от Даурии до Кызыла. Участник боевых действий в Афганистане. Боевые задачи в Республике Афганистан выполнял с мая 1981 года. Общий налёт на четырёх типах вертолётов более 3800 часов, совершил более 50 боевых вылетов. Проявил высокую выучку и техническую грамотность, умело обслуживал авиационную технику в полевых условиях, обеспечивал безопасность полётов. В Республике Афганистан участвовал в четырёх боевых операциях по поддержке действий наземных подразделений, эвакуации раненых с поля боя. Во второй афганской командировке, 10 июля 1982 года, во время очередного боевого вылета капитан М. Т. Лаба в составе экипажа капитана В. П. Саморокова выполнял боевую задачу по огневой поддержке и ликвидации бандформирования противника. В 30 км восточнее г. Чахи-Аба, в

ущелье Шардара, при выходе из очередной атаки вертолёт был подбит из крупнокалиберного пулемёта ДШК. Загорелся в воздухе и, не доходя до земли, взорвался. Экипаж погиб. Капитан М. Т. Лаба награждён медалью «За отличие в охране государственной границы СССР» и тремя другими медалями, посмертно за мужество и отвагу награждён орденом Красной Звезды.

Старший бортовой механик-радист вертолета Ми-8 из 18 оаэ погранвойск прапорщик Двоеложков Юрий Андреевич

ДВОЕЛОЖКОВ Юрий Андреевич (1954–1982), старший бортовой механик – радист вертолётной отдельной авиационной эскадрильи ПВ, военный специалист второго класса, прапорщик. Родился 22 октября 1954 года в пос. Кильмезь Кильмезского района Кировской области – погиб в Афганистане 10 июля 1982 года, похоронен в г. Чите. В Вооружённые силы СССР призван Кильмезским РВК 04.11.1972 года. Окончил школу младших авиационных специалистов в 1973 году. Службу проходил на должностях старший техник группы регламентных работ и старший бортовой механик-радист вертолётной в 18-й оаз погранвойск КГБ СССР (г. Чита) с 1972 по 1982 год. Внёс важный вклад в охрану и защиту государственной границы СССР. Отличился при выполнении полётов по охране государственной границы Забайкалья. Участвовал в сотнях поисков и задержаниях дерзких нарушителей государственной границы СССР во всех погранотрядах, от Даурии до Кызыла. Участник боевых действий в Афганистане, участвовал в четырёх боевых операциях по поддержке действий наземных подразделений, эвакуации раненых с поля боя. 10 июля 1982 года, во второй афганской командировке, в составе экипажа капитана В. П. Саморокова принимал участие в боевой операции по ликвидации бандформирования мятежников в ущелье Шардара, в 30 км восточнее Чахи-Аба. Экипаж после высадки десанта выполнял боевую задачу по огневой поддержке наземных подразделений и ликвидации бандформирования противника. При выходе из очередной атаки вертолёт был подбит и, не доходя до земли, взорвался в воздухе. Экипаж и два десантника погибли. Прапорщик Ю. А. Двоеложков награждён медалью «За отвагу», посмертно награждён орденом Красной Звезды.

2. Смертный грех

Это происшествие-конфликт случилось седьмого июля восемьдесят второго в операции «Акча» в провинции Балх, а в главке о нём стало известно в тот же самый день, когда погиб экипаж капитана Саморокова в зоне ответственности Московского погранотряда. Просто доклад из погранотряда Керки и донесение из штаба Среднеазиатского округа об этом происшествии пришли в главк позднее, вечером 10 июля 1982 года, а узнали мы о нём в опергруппе ГУПВ утром 11 июля.

Командование 17-го оап, г. Мары (справа налево) начальник штаба полка майор В. М. Рыкованов, командир полка подполковник Н. П. Романюк, фото 1983 г.

Авиагруппа из восьми вертолётов – шесть десантно-транспортных Ми-8т и два боевых Ми-24в – сидела в богом забытом месте, в зоне оперативной ответственности Керкинского погранотряда. Сначала на погранзаставе Келиф, а затем на полевой посадочной площадке, рядом с афганским кишлаком Чаршанга. Недалеко от озера Мурдиан. Когда-то здесь, ещё задолго до афганских событий, советскими специалистами среди озёр и болот была построена бетонная посадочная площадка для самолётов Ан-2, которые опыляли местные афганские поля, сады, огороды и даже озёра и болота химическими удобрениями и химикатами для уничтожения кусачих кровососов и ползающих тварей. Командиром авиагруппы был заместитель командира 17-го Марыйского полка по лётной подготовке подполковник Константин Тырин. Все экипажи тоже были в основном из Марыйского авиаполка.

Жара стояла невыносимая. Солнце пекло нещадно. В середине дня до пятидесяти градусов в тени и до семидесяти – на солнце. Лётчики в песке варили куриные яйца. Проверено на собственном опыте – через полчаса лежания в песочке на солнце яйца уже были всмятку. В нагретой солнцем кабине вертолёта на кожаное сиденье невозможно было сесть, не подстелив что-либо. Когда в спешке в лётном комбинезоне сядешь в кожаную чашку пилотского сиденья, то чувствуешь себя как карась на сковородке. Но даже не это главное. Место здесь, под афганской Чаршангой, было очень гиблое. Рядом – зловонные камышовые болота с множеством змей и лягушек, а также мошкаррой, комарами, москитами, слепнями и оводами. От кусачих тварей не было спасения ни днём в жару, ни ночью в относительной прохладе. Кусались они как злые собаки. Их укусы были очень болезненны и долго не заживали.

Жили лётчики авиагруппы рядом со стоянкой вертолётов на аэродроме, в четырёх армейских двадцатиместных палатках. А из палаток комаров и оводов, как ни выгоняй и ни убивай, всё равно не изведёшь. Летают, пищат и кусают. Лётчики не высыпались, все покрылись красными пятнами и волдырями. Спасение от гнуса было только в вертолётах и в воздухе. Там комары и слепни не доставали, работала система кондиционирования воздуха. Зато наши вертолёты стали всё чаще доставать пули и снаряды боевиков с земли, из кустов «зелёнки»⁸ вокруг городов и кишлаков.

Через пятнадцать дней после начала боевых действий под Чаршангой и прибытия восьми вертолётов в распоряжение руководителя операции – заместителя начальника войск округа подполковника Николая Йолтуховского в авиагруппе произошли изменения. Два вертолёта получили при высадке десантов боевые повреждения, пулевые пробоины и один за другим в тот же день улетели на базу для ремонта. И не возвращались. Оказывается, ремонт этих повреждённых агрегатов и блоков автоматики в вертолётах имеют право делать только представители заводов-изготовителей. А эти представители ещё даже не прилетели в Мары.

Затем вышли из строя ещё два экипажа. Прибыли отрядной врач и фельдшер. Осмотрев лётчиков, категорически запретили четырём из них полёты. Они обнаружили в следах укусов и покраснений признаки страшной азиатской болезни – пендинки⁹. Потребовалась их срочная госпитализация, им пришлось лететь на базу. Одним из этих заболевших был командир авиагруппы подполковник Константин Тырин. Ему на замену в тот же день прилетел начальник штаба 17-го Марыйского полка майор Владимир Рыкованов. С экипажем «наёмника»¹⁰ капитана Владимира Натальина, только что прибывшего в 17-й Марыйский полк в свою первую боевую командировку из Прибалтики.

Операция явно затянулась. Вместо плановых семи суток – на все двадцать дней. Наземные подразделения остановились и закопались в песок. Дальнейшее продвижение было опасным. У бандитов появилось слишком много гранатомётов и крупнокалиберных ДШК. Причём днём моджахеды¹¹ были просто мирными жителями. А ночью из пулемётов с близкого расстояния долбили по окопавшимся пограничным подразделениям. Было подбито несколько бронетранспортёров. Появились погибшие и раненые. Неоднократно вертолёты прямо из боевых порядков эвакуировали их в Керки и в госпиталь в Душанбе.

Разведка работала непрерывно, но выявить места нахождения бандгрупп и огневых точек в «зелёнке» было практически невозможно. После ночных обстрелов они успевали до рассвета уехать на автомобилях или лошадях и скрыться. Спрятаться в своих хорошо и заранее укрепленных базовых лагерях в предгорьях.

Руководитель операции подполковник Николай Йолтуховский, лихой украинский казак-вояка, обозлённый неудачами последних десяти дней, принял решение разбомбить с вертолётов эти базовые лагеря боевиков в предгорьях Мармоля. Получив уточнённые данные из штаба округа по их местам базирования, он срочно «разработал» свою частную операцию. Вечером, уже после ужина, вызвал командира авиагруппы майора Рыкованова в свою командно-штабную машину и по карте поставил ему боевую задачу:

– Завтра с восходом солнца нанести ракетно-бомбовый удар по базе боевиков между кишлаками Чаррах и Чахартут, где они скрываются в дневное время суток, а ночью выезжают на машинах-джипах и обстреливают наши подразделения.

Но майор Рыкованов спокойно возразил:

⁸ «Зелёнка» – зелёная зона из летников, арыков, садов, огородов вокруг афганских городов и кишлаков. – *Прим. авт.*

⁹ Пендинка (восточная язва, ташкентская болезнь) – заболевание человека, вызванное паразитическим жгутиковым лейшманиозом от укуса москитов и мелких грызунов, заражающих человека. Выражается она в появлении на лице, руках и всём теле долго не заживающих и гниющих язв. – *Прим. авт.*

¹⁰ «Наёмниками» называли лётчиков, прикомандированных из других авиачастей погранвойск. – *Прим. авт.*

¹¹ Моджахеды – борцы за веру. – *Прим. авт.*

– Бомбить четырьмя транспортными вертолётами базовую пещеру боевиков Чахартут, что недалеко от входа в Танги-Мармольское ущелье? Товарищ подполковник, кроме больших потерь, это нам ничего не даст. Работать четырьмя вертолётами с имеющимися у нас стокилограммовыми осколочно-фугасными бомбами по мощному укрепрайону в скалистых горах Чахартут – тем более нереально. Неэффективно.

Не дав Рыкованову договорить, Йолтуховский грубо перебил его и сквозь зубы зло процедил:

– Майор, выполняй приказание, не то завтра же вперёд собственного свиста улетишь домой со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Есть выполнять приказание, товарищ подполковник.

Майор Рыкованов сразу понял, что объяснять руководителю операции возможности вертолётов и наши авиационные проблемы просто бесполезно. Он и раньше от своих друзей, заместителей командира полка и командиров авиагрупп, чаще его бывавших на оперативных точках, слышал и знал о некоторых заскоках этого «крупного военачальника». Уже после команды «отбой» Рыкованов пришёл в палатку к лётчикам и рассказал о полученной наутро боевой задаче. Сказал и об угрозе, что если не выполнит приказание, то завтра же улетит домой «вперёд собственного свиста».

Первым заговорил командир звена капитан Николай Колганов:

– Но это же чистое самоубийство. Мы же не японские камикадзе, в конце-то концов! Четырьмя незащищёнными вертолётами – даже от пуль автоматов и «буров»¹², – называемыми лётчиками «консервными банками», разбить главный опорный пункт самых крупных баз на севере Афганистана Мармоль и Чахартут? Этот наш «наполеончик» совсем с катушек съехал. Или водки перепил. Вообще ни хрена не смыслит в боевых возможностях вертолётов. Что могут сделать наши небронированные вертушки в сплошной зоне поражения ДШК и ЗПУ¹³? И эти старые и маломощные бомбы, ещё с военных времён, осколочно-фугасные «сотки»?

Колганов немного подумал и добавил:

– Тут сперва не меньше полка самолётов-штурмовиков надо запустить. Да с бетонобойными фугасками в двести пятьдесят и пятьсот килограмм. Чтобы раздолбить хотя бы это единственное высокопрочное бандитское логово. А нам они не дадут даже на выстрел подойти. Собыют сразу, как куропаток.

Рыкованов достал из папки сложенную гармошкой свою одноцветную командирскую двухкилометровку. Развернул её и показал лётчикам систему опорных пунктов боевиков в районе Чахартута, охранявших и запиравших вход в Мармольскую впадину с севера, со стороны Мазари-Шарифа. И высказал мнение:

– Указанные подполковником Йолтуховским цели – вырубленные на крутых склонах скал опорные пункты – находятся даже вне зоны и района нашей операции. Они на самом деле – в зоне оперативной ответственности Термезского погранотряда. Хотя всем давно известно, что уходят и скрываются обстреливающие нас боевики в Мармоль. Именно через это узкое и тщательно охраняемое и оберегаемое ими Танги-Мармольское ущелье. И даже целый Термезский погранотряд ничего не может с ними сделать. Хотя находится рядом с Мармолем и Чахартутом.

Но командир звена капитан Лосев, недавно переведённый в Мары из Хабаровска, сразу ему возразил:

– Этот факт для нашего «наполеона» не имеет ровно никакого значения. Он же заместитель начальника войск округа. Как сказал, так и будет. Увидите, он станет упираться в своём решении до последнего вздоха. Мы его ещё майором, заместителем начальника и начальни-

¹² «Бур» – английская винтовка XIX века, доставшаяся афганцам от войны с англичанами, калибр 7,71 мм, дальность прицельной стрельбы до 1000 м. – *Прим. авт.*

¹³ ЗПУ – зенитные пулемётные установки калибра 14,5 мм предназначались для борьбы с авиацией противника на высотах до 1500 метров. Были одноствольные ЗПУ-1, спаренные ЗПУ-2, счетверённые ЗПУ-4. – *Прим. авт.*

ком погранотряда по Дальнему Востоку хорошо знаем. Говорят, у него какая-то «лапа» среди заместителей председателя КГБ имеется. Поэтому он ничего не боится, иначе бы за его авантюризм и наглость давно бы уже из погранвойск уволили.

Наутро разгорелся «конфликт». Вначале лётчики и техники, вставшие задолго до восхода солнца, в пять утра, распоряжение командира авиагруппы выполнили. Зарядили пулемёты патронными лентами и блоки неуправляемыми ракетами. Подвесили по две стокилограммовые авиабомбы на держатели ферм подвески. И, как положено, доложили командиру авиагруппы о готовности к боевому вылету. На утреннем построении экипажей и уточнении боевых задач предстоящего вылета в присутствии руководителя операции и возникла конфликтная ситуация. Командир авиагруппы майор Рыкованов, чувствуя и понимая свою ответственность за жизнь лётчиков, ещё раз сказал о нереальности, крайней опасности и невозможности выполнить поставленную боевую задачу звеном транспортных вертолётов Ми-8т.

Это окончательно взорвало импульсивного и обзлённого руководителя операции. Вначале он перешёл на повышенный тон и блатной язык. Лётчики стояли перед ним в строю притихшие и растерянные. Никак они такой наглости и такого хамства от руководителя боевой операции не ожидали. Никогда таких обвинений в свой адрес не слышали. Потом, словно взбодрившись, подполковник Йолтуховский буквально заорал благим матом:

– Не лётчики вы, а трусы! Вы лететь не хотите. Бойтесь бородатых. Ну, я с вами разберусь. Я вас выведу на чистую воду...

И без всяких стеснений стал хамить и упрекать всех сразу в невыполнении его приказов. Сначала он ещё раз матерно обругал майора Рыкованова, а потом и всех лётчиков и снова обвинил всех в трусости. И за невыполнение его приказа всем сразу пригрозил трибуналом. А закончил унижительными и циничными словами:

– Я ещё не видел в своей жизни лётчиков трусливее вас. Чего вы испугались? Бородатых афганцев с «бурами» из прошлого века? Да они и стрелять-то по вертолётам не умеют. Ну попали случайно пару раз! Ну и что? Больше не попадут.

А это была откровенная и наглая ложь. И он сам это прекрасно знал. И все экипажи это тоже знали. О большом количестве у боевиков гранатомётов, пулемётов ДШК и зенитных установок ЗПУ. И все офицеры округа из уст своих разведчиков знали о самой крупной бандитской базе на севере Афганистана – в Мармоле. И об укрепрайоне возле кишлака и опорного пункта Чахартут на входе в Танги-Мармольское ущелье – основной дороге в Мармоль из Мазари-Шарифа. Там уже не раз сбивали вертолёты и получали пробоины, с которыми наши лётчики прилетали на базу. А подполковник Йолтуховский обвинил сразу всех лётчиков в трусости. В самом смертном грехе для воина.

Первым не выдержал и вышел из строя капитан Колганов. После командира авиагруппы майора Рыкованова он был самым старшим и опытным, признанным «горным орлом». А главное, уже стреляным и битым лётчиком в этой авиагруппе, в том числе в операции «Каньон» в Куфабском ущелье, с посадкой на минное поле под Ташкурганом. Больше пяти раз уже прилетал на базу с боевыми повреждениями в виде пулевых и осколочных пробоин, трижды производил вынужденные посадки на территории противника. И не прошло ещё месяца, как капитан Николай Колганов отличился в операции по захвату и очистке от незаконных бандитских формирований в районе афганского кишлака Мой-Май в Джавайском ущелье в июне 1982 года. При высадке десанта в ущелье в зоне огня противника его вертолёт был обстрелян бандитами. Разорвавшаяся рядом граната нанесла серьёзные повреждения вертолёту и экипажу. Несмотря на полученное осколочное ранение в голову, командир звена капитан Колганов продолжил выполнение задания, успешно высадил десантников и возвратился на базу в Калай-Хумб.

– Товарищ подполковник, после ваших оскорблений я лично отказываюсь лететь на выполнение этой боевой задачи. Но не потому, что я трус, при восьмистах боевых вылетах,

как вы сказали про всех нас. А потому что точно знаю, что, кроме больших бед и потерь, этот вылет нам ничего не даст. Вы это тоже со временем поймёте. Да поздно будет.

После паузы Колганов продолжил:

– А потом, если на то пошло, летите с нами и покажите цель. Сами сразу же и убедитесь в результатах нашей работы по ней.

Он вышел из строя и направился к вертолёту. Вслед за ним – его экипаж и другие лётчики. Экипажи Лосева, Натальина и Большакова его без сомнения поддержали. Этот явный и тонкий намёк на весьма толстые обстоятельства – боязнь подполковника Йолтуховского летать на вертолётах в боевые подразделения на ту сторону «речки» – окончательно взбесил его.

– Ах ты, сопляк, ещё учить меня вздумал!

Размахивая кулаками, Йолтуховский выдернул из кобуры пистолет и с отборным площадным матом бросился за Колгановым. Тот остановился, от волнения зачем-то наполовину расстегнул кожаную куртку и спокойно повернулся к бегущему к нему с перекошенным лицом подполковнику.

Экипаж Колганова на всякий случай сплотился вокруг своего командира и приготовился его защищать. Что особенно запомнилось всем лётчикам и что потом, смеясь над пикантной ситуацией, они вспоминали, даже экипаж впервые прибывшего в командировку из Прибалтики капитана Натальина приготовился защищать экипаж капитана Колганова. Влившись в состав авиагруппы и показав всем, на чьей они стороне. Что они тоже поддерживают командира майора Рыкованова и капитана Колганова.

Более полсотни пар глаз личного состава авиагруппы с удивлением и возмущением наблюдали эту незабываемую картину... И в этот самый момент руководитель операции подполковник Йолтуховский, видимо, осознал всю глупость истерики и своего положения. Остановился на полпути до группы лётчиков. На него уже никто из лётчиков и обслуживающего наземного персонала даже не смотрел. А он продолжал безбожно материться и громко изрыгать блатные проклятья в их адрес. Его никто уже не слушал. Все экипажи, униженные и оскорблённые, в глубоком молчании разошлись по своим вертолётам. Заняли рабочие места в кабинах, ждали команды на запуск и на вылет. Но команды на этот конфликтный боевой вылет от командира авиагруппы майора Рыкованова с СКП¹⁴ авиагруппы так и не поступило.

* * *

Сергей Лоскутов потом на эту животрепещущую тему много размышлял. Два вопроса долго мучили и будоражили его сознание и воображение. О превратностях пограничной службы и зигзагах военной судьбы. И о чём думал этот подполковник Йолтуховский в те самые минуты, когда выхватил пистолет и побежал за капитаном Колгановым?

Да, на военной службе, в боевых условиях, когда нервы у людей напряжены до предела, такое может быть. Усталость, неудачи, потери, тупик и безнадёжность. Противник оказался сильнее, умнее, хитрее. Признать это руководитель операции подполковник Йолтуховский не мог. Не так был воспитан. И по неопытности просить помощи не стал. А гонор, уверенность и спесь не позволили ему даже поговорить по телефону с начальником войск округа или с его первым заместителем о способах и реальных путях выхода из этой тяжёлой ситуации. И он сам придумал выход – ударить вертолётками. Самый простой, по его мнению, выход. По его незнанию, по неопытности. О потерях лётчиков он тогда даже и не подумал. Вертолёты есть. Значит, надо ударить! А что это такое, ведь он толком и не знал.

Вся жизнь людей порой зависит от поступков начальников и подчинённых. Они взаимосвязаны друг с другом незримой нитью. В армии и в боевых условиях, в критических и траги-

¹⁴ Стартовый командный пункт. – Прим. ред.

ческих ситуациях тем более. И если они не найдут общего языка, взаимопонимания, взаимного уважения, то добра от этого не жди. Это не каждому человеку дано понять. Этой мудрости учат жизнь и горький жизненный опыт.

Но, по мнению генерал-лейтенанта И. Г. Карпова, во всех смертных грехах винить одного руководителя операции подполковника Йолтуховского тоже нельзя. Ведь он хотел как можно лучше выполнить поставленную ему боевую задачу. И не в своих личных и корыстных интересах, а для выполнения приказа начальника погранвойск. Операция-то плановая, и она утверждена начальником погранвойск Матросовым. И это не строительство колхозного свинарника или амбара, не производство мороженого или кирпичей. Хотя и там проблем хватает. А ликвидация непримиримых и отлично подготовленных для местных условий банд моджахедов радикального толка. Обученных и руководимых наёмниками и головорезами со всего мира. Которые уже в этой, не самой крупной, боевой операции «Акча» погубили более десятка его подчинённых. А раненых было в три раза больше. И руководитель операции понимал, что за это он лично будет отвечать. И искал выход из создавшегося положения.

А тут в его подчинении – авиагруппа вертолётчиков. И, по его мнению, не использовать их возможности грешно. Ведь они уже десятки раз выручали его десантуру, бронетранспортёры и пехоту из критических и драматических ситуаций. Вытаскивали из засад и поддерживали авиаударами, эвакуировали десятки раненых прямо из боевых порядков. И всё у них неплохо, а чаще всего отлично получается. Тем более что он лично не отвечает за эти вертолёты. Они ему приданы на время операции. Но, не зная боевых возможностей вертолётчиков и их вооружения, сильные и слабые стороны, недооценивая противника, действуя нахрапом и наглостью, руководитель операции только усугубил ситуацию. Не прислушался к здравым предложениям командира и лётчиков авиагруппы. Перешёл границы дозволенного. И сам создал конфликт.

Обозлившись, руководитель операции подполковник Йолтуховский матерился как сапожник, размахивал кулаками, побежал за Колгановым. И выхватил пистолет. А это уже явный перебор. Что же думал он в этот момент? Что его волновало? Ясно, что хотел победы. Хотел выполнить поставленную задачу. Человек он энергичный, грубоватый, настойчивый, амбициозный. А лётчики не выполняют его приказание. Да как они смеют?! Как смеют в боевой обстановке не выполнить его приказ?

– Под трибунал отдам, – орал и ревел он громким командирским голосом перед притихшим строем лётчиков.

Может быть, не знал он тогда ещё, сердешный, что официально-то нет никакой войны в Афганистане. Есть только оказание мирной интернациональной помощи дружескому афганскому народу и усиление охраны южных границ нашей страны. А в этих терминах, как всем известно, весьма существенная разница с войной и боевыми действиями.

Но, с другой стороны, какое он имел право хвататься за пистолет? Против своего подчинённого и младшего по званию? Махать кулаками, материться, обвинять и упрекать лётчиков в трусости? В самом смертном грехе для любого воина. Тем более для лётчиков, которые уже по 600–800 боевых вылетов имеют. В горах Куфаба уже дважды и трижды сбитые и раненые. И это в советские-то времена? Даже не зная разницы между войной и интернациональной помощью. Он что, не понимал, что такое поведение недостойно советского офицера? Что это не защита столицы нашей Родины Москвы в Великой Отечественной войне, когда все выполняли приказ «Ни шагу назад». А всего лишь оказание мирной помощи соседям.

* * *

В начале июня 1982 года подполковника Лоскутова специально отправили в отпуск. Чтобы отдохнул и был готов к давно планируемому и готовящимся осенним боевым операциям

в Горном Дарвазе и Бадахшане в целом. Десятого июля он вышел из отпуска и сразу попал в водоворот сложных боевых и противоречивых событий.

11 июля 1982 года. Самая первая встреча недавно, в мае сего года, официальным приказом назначенного старшим офицером по авиации опергруппы ГУПВ подполковника Лоскутова с начальником погранвойск генералом армии Матросовым произошла во второй же день после выхода Лоскутова из отпуска. В восемь часов тридцать минут утра 11 июля. Внезапно и при весьма неприятных обстоятельствах. По докладу начальника особого отдела Среднеазиатского погранокруга, при проведении операции «Акча» с Чаршанги 7 июля 1982 года между руководителем операции – заместителем начальника войск пограничного округа подполковником Йолтуховским и лётным составом Марыйской авиагруппы возник конфликт. Далее цитирую текст донесения:

«...При постановке боевой задачи перед строем авиагруппы руководитель операции подполковник Йолтуховский размахивал кулаками, нецензурно выражался и обзывал лётчиков трусами. А со слов самих лётчиков и по данным авиаотдела округа, с пистолетом в руках. При этом он пытался грубым, приказным, командирским голосом заставить лётный состав четырьмя вертолётами Ми-8т выполнить боевую задачу по поражению сильно укреплённых опорных пунктов в районе крупной бандитской базы южнее Мазари-Шарифа. Это укреплённый горный пункт Чахартут рядом с Мармолем, который буквально напичкан ДШК, ЗПУ, гранатомётами и другим автоматическим стрелковым оружием. Лётный состав якобы отказался выполнять нереальное, не соответствующее боевым возможностям четырёх вертолётов приказание руководителя операции...»

Начальника опергруппы генерал-лейтенанта Карпова и старшего офицера по авиации подполковника Лоскутова внезапно и срочно, через адъютанта, вызвали в кабинет начальника погранвойск. Генерал армии Матросов встал со своего стула, поздоровался с обоими за руку и пригласил сесть за стол. Это всем офицерам главка было тоже давно известно и означало, что разговор будет долгим. Матросов сам прочитал вслух, а затем и дал прочесть каждому офицеру шифротелеграмму из Ашхабада. С грифом «совершенно секретно». Там и был вышеуказанный текст. Затем он спокойно прокомментировал ситуацию как непонятную и противоречивую. И потребовал:

– Быстро и без лишнего шума прошу вас провести служебное расследование по этому факту. Представить свои соображения и предложения по разрешению конфликта.

Посмотрев на часы, начальник погранвойск добавил:

– Пока у меня есть ещё пятнадцать минут времени, я хочу услышать ваши предварительные мнения по этому инциденту. Потому что через пятнадцать минут мне надо идти на доклад к председателю КГБ. В том числе и по этому поводу.

Генерал-лейтенант Карпов кратко доложил о ходе затянувшейся и вялотекущей операции в районе Акчи:

– Прочёсывание зелёной зоны Акчи в сторону Мазари-Шарифа затянулось из-за недостатка наших сил и средств. И неожиданно сильного и упорного сопротивления бандитов. Поставленные руководством задачи операции пока не решены. На последних переговорах с подполковником Йолтуховским мы договорились, что надо усилить наши подразделения миномётами. А пока остановиться на достигнутых рубежах до полного изучения обстановки разведкой. Никакой речи об авиаударах вертолётами авиагруппы «Акча» ещё вчера, тем более в районе Мармоля, не было.

Затем генерал Карпов кратко охарактеризовал руководителя операции, того самого подполковника Николая Йолтуховского, недавно прибывшего с должности начальника погранотряда с Дальнего Востока. Весьма дипломатично и обтекаемо.

Когда дошла очередь до Лоскутова, то он, ещё не обладая полной информацией о конфликте, встал и сказал:

– Товарищ генерал армии! С одной стороны, в соответствии с Наставлением по производству полётов авиации Вооружённых сил лётчики любого уровня и должностных категорий обязаны и сами принимать решения на вылет. А в случае, если условия полёта не соответствуют их уровню подготовки или возможностям их типа самолёта или вертолёта, то они имеют право отказаться от выполнения задания. И командиры не вправе их за это наказывать. Но это в мирное время, при выполнении учебных и служебных полётов. А в боевых условиях у нас, в погранвойсках, эта ситуация пока нигде не оговорена.

Отдышавшись немного и видя, что оба генерала его внимательно слушают, Сергей продолжил:

– С другой стороны, командир авиагруппы, начальник штаба 17-го Марыйского полка майор Рыкованов, и лётчики авиагруппы из этого же полка достаточно хорошо подготовлены. Они имеют почти трёхлетний боевой опыт. Местность там равнинная, метеоусловия хорошие. Беспричинно отказаться от выполнения боевого задания они не могли. Требуется время на изучение ситуации.

Выслушав обоих и расхаживая по кабинету, начальник погранвойск долго молчал. Даже на звонки телефонов не отвечал. Размеренно и молча ходил перед сидящими офицерами по своему кабинету, от стола до окна и к двери. Стояла мёртвая тишина. Слышен был только шум кондиционера. И ещё отдалённый гул автомобилей под окнами третьего этажа, выходящими на площадь Дзержинского. Пауза затягивалась, тучи сгущались. Создалось впечатление, что вот-вот разразится гроза. Становилось явно не по себе. На лбу у Лоскутова выступил противный пот, но вытереть его было нельзя.

И вот Матросов подошёл к своему столу и заговорил. Но спокойно, ровно, в виде размышлений. Он уже обдумал и принял весьма взвешенное решение. В частности, что касалось авиации, он сказал так:

– Товарищ Лоскутов, не будем пока говорить о боевых условиях, так как официально мы всего лишь оказываем интернациональную помощь дружественному афганскому народу.

Помолчав и через роговые очки в упор поглядев на Лоскутова, Матросов добавил:

– Подготовьте мне всесторонний нормативно-правовой материал для принятия решения на боевой вылет начальником войск округа и начальником авиации округа или командиром полка с базового аэродрома. А также руководителем боевой операции и командиром авиагруппы с оперативной точки. И отдельно командиром экипажа (пары вертолётов) после получения приказа руководителя операции на вылет «за речку». И доложите отдельной справкой конкретную ситуацию перед этим «отказным» боевым вылетом с точки зрения лётного состава и ваших авиационных руководящих документов. Срок вам – два дня.

– Есть, товарищ генерал армии, подготовить две справки и доложить через два дня.

В первой справке Лоскутова, естественно согласованной с начальником авиаотдела генералом Рохловым и показанной генералу Карпову, были сделаны выписка и анализ из всех статей руководящих авиационных документов по принятию решения на боевой вылет. Всеми должностными лицами округа, полка, авиагруппы, звена и экипажа (пары). Суть выписки уже была указана выше: все командиры этих авиационных подразделений и частей имеют право на самостоятельное принятие решения перед любым вылетом.

После изучения «конфликта» конкретно в Чаршанге и телефонных разговоров с должностными лицами и участниками этого конфликта Лоскутов во второй справке записал: «... руководитель операции, стараясь скрыть недостатки планирования и подготовки затянувшейся операции в районе Акчи, пытался форсировать её проведение за счёт авиации. И, несмотря на яростное сопротивление крупных и хорошо вооружённых бандформирований в районе горной базы “Мармоль”, приказал авиагруппе из четырёх десантно-транспортных вертолётов Ми-8т нанести ракетно-бомбовый удар по сильно укреплённым опорным пунктам противника. Не подавив предварительно (что обязан был сделать в соответствии с недавними нашими указа-

ниями) кинжальный заградительный огонь средств ПВО¹⁵ бандформирований другими силами и средствами...»

А потом устно Лоскутов генералу Карпову докладывал:

– Командир авиагруппы доказывал руководителю операции, что в этом районе уже был сбит наш вертолёт и погиб командир экипажа капитан Клюев. Что два вертолёта нашей авиагруппы уже получили там боевые повреждения. Что авиаудар оставшимися четырьмя вертолётными Ми-8т и неэффективными в данной ситуации стокилограммовыми осколочно-фугасными бомбами по мощному укрепрайону в скалах ничего не даст. Что поставленная боевая задача для авиазвена явно невыполнима и лётчики обречены погибнуть под шквальным огнём ДШК.

И в конце Лоскутов чётко и обстоятельно доложил вывод: несмотря на все эти разумные доводы, руководитель операции подполковник Йолтуховский упорно настаивал на выполнении своего приказа.

– Что ещё предлагали лётчики этой авиагруппы? – спросил Карпов.

– Майор Рыкованов дважды, дважды, – добавил весомо Лоскутов, – повторял предложения подполковнику Йолтуховскому: усилить авиагруппу боевыми вертолётными, хотя бы до эскадрильи. Подвезти на площадку подскока в Чаршангу более мощные, двухсотпятидесятикилограммовые, бетонобойные бомбы для нанесения ракетно-бомбовых ударов вертолётными по засадам ДШК. И предварительно нанести бомбово-штурмовой удар авиацией ТуркВО¹⁶, артиллерией и миномётами для подавления ПВО этой базовой пещеры противника. Но руководитель операции фанатично и упорно настаивал на срочном ударе четырьмя вертолётными с Чаршанги. При этом называл лётчиков трусами, крыл матом, размахивал перед строем экипажей перед вылетом кулаками и пистолетом. Грозился трибуналом.

Начальник опергруппы генерал Карпов лично проверил все эти факты. Разговаривал с начальником особого отдела и начальником войск округа. Немного «спрямил» острые углы и хлесткие фразы. Из своей докладной и из справки Лоскутова убрал слова про пистолет, но оставил «размахивал кулаками и матерился». Приказал машинистке перепечатать обе справки. Дал сначала Лоскутову подписать его авиационную справку. Завизировал её сам. И только после этого подписал свою справку. И пошёл на доклад к начальнику войск с этими документами. Лоскутов тоже был готов к вызову, но на сей раз обошлось без него.

¹⁵ ПВО – противовоздушная оборона. – *Прим. авт.*

¹⁶ ТуркВО – Туркестанский военный округ. – *Прим. авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.